

БЕРНХАРД ШЛИНК

*Гордиев
узел*

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ИНОСТРАНКА»

Большой роман

Бернхард Шлинка

Гордиев узел

«Азбука-Аттикус»

1988

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

Шлинк Б.

Гордиев узел / Б. Шлинк — «Азбука-Аттикус»,
1988 — (Большой роман)

ISBN 978-5-389-16380-5

Бывший юрист Георг Польгер соглашается возглавить бюро переводов в маленьком городке на юге Франции, прежний начальник которого скончался при загадочных обстоятельствах. Поначалу все складывается прекрасно: прибыльный проект, пылкий роман с красавицей Франсуазой, секретаршей делового партнера. Но однажды Георг замечает в ее поведении нечто странное, а на следующий день Франсуаза исчезает. Георг готов пойти на все, лишь бы вернуть ее. Но знает ли он настоящую Франсуазу? Сумеет ли он распутать гордиев узел – или решится одним ударом его разрубить? «Гордиев узел» – детективный роман Бернхарда Шлинка, знаменитого автора «Чтеца», «Летних обманов» и «Ольги». В 1989 году книга была отмечена престижной премией Фридриха Глаузера, переведена на многие языки.

УДК 821.112.2
ББК 84(4Гем)-44

ISBN 978-5-389-16380-5

© Шлинк Б., 1988
© Азбука-Аттикус, 1988

Содержание

Часть первая	6
1	6
2	8
3	11
4	13
5	15
6	18
7	20
8	23
9	25
10	27
11	30
12	34
13	37
14	39
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Бернхард Шлинк

Гордиев узел

© Р. С. Эйвадис, перевод, 2012

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2019

Издательство Иностранка®

Часть первая

1

Георг возвращался домой. В Эксе он съехал с автомагистрали и продолжил путь по обычному шоссе. За проезд по автомагистрали от Марселя до Экса платить не надо, а дальше, от Экса до Пертюи, это удовольствие стоит пять франков. Пачка «Голуаз».

Георг прикурил сигарету. Поездка в Марсель оказалась пустой тратой времени. Шеф бюро переводов, в котором ему иногда перепадала кое-какая работа, на этот раз ничем не мог его порадовать.

– Я же вам говорил: если что-нибудь будет, я позвоню. Пока мне нечего вам предложить.

Вид у мсье Морена был озабоченный. Может, он говорил правду? Бюро принадлежало ему, но держалось на плаву за счет заказов авиационного завода «Мермоз» в Тулоне. Если совместный европейский проект нового боевого вертолета, в котором Мермоз представляет французскую сторону, и действительно забуксовал, значит и Морену нечего переводить. А может, Морен опять попытался выторговать более выгодные условия и Мермоз в наказание посадил его на голодный паек? Или исполнил наконец свою давнишнюю угрозу и открыл собственное бюро переводов?

На подъеме за Эксом мотор вдруг сбился с ритма, и машина конвульсивно задержалась. Георга бросило в пот. О боже! Ему сейчас только этого и не хватало для полного счастья. Он купил машину всего три недели назад. Его родители приезжали из Гейдельберга навестить сына и дали ему денег на этот старенький «пежо».

– Тебе же при твоей работе без машины никак, сынок, – сказал отец, кладя две тысячи марок в коробку на кухонном шкафу, в которой Георг держал свои деньги. – Ты знаешь, мы с матерью всегда рады тебе помочь. Но сейчас, когда я на пенсии, а у твоей сестры ребенок...

Дальше пошли причитания, которые Георг слышал уже сто раз: неужели он не может найти другую работу, поближе и получше? И зачем он бросил свою профессию адвоката и уехал из Карлсруэ? И может, теперь, когда он расстался с Ханной, он все же вернется в Германию? Неужели у него не болит душа за своих стариков-родителей? В конце концов, в жизни есть еще кое-что, кроме самореализации и т. п.

– Неужели твоей матери так и придется умереть в одиночестве?

Георгу стало стыдно оттого, что его обрадовали две тысячи, а слова отца оставили равнодушным.

Бак был почти полный, масло он недавно доливал, фильтр заменил. Так что никаких технических проблем быть не должно. Он слушал шум мотора, как мать слушает дыхание больного ребенка. Машина больше не дергалась. Но что-то где-то стучало. Или ему показалось? А теперь какой-то скрип или скрежет! Три недели Георг наслаждался непривычным состоянием – когда едешь, не боясь ни маленьких, ни больших поломок. И вот все начинается сначала!

В Пертюи Георг остановился, купил на рынке кое-какие продукты и выпил пива в баре. Было начало марта, туристский сезон еще не начался. Палатку с прованскими травами, медом, горчицей и лавандой во всех видах, летом обычно с утра до вечера облепленную немцами и американцами, уже свернули, в других палатках тоже убрали товар. Воздух под низкими тяжелыми тучами был теплым. Поднялся ветер и захлопал маркизами на окнах. Запахло дождем.

Георг с бокалом в руке стоял у входа в бар, прислонившись спиной к стене. На нем были джинсы, синий пуловер, потертая коричневая кожаная куртка и темная кепка. По виду и непринужденной позе его можно было бы принять за молодого фермера, который, закончив свои дела на рынке, решил совместить полезное с приятным. Если бы не суровые морщины на лбу

и у губ, глубокая ямка на подбородке и нервная усталость в глазах. Волосы его поредели. Он заметно постарел за последние годы. Раньше, когда он носил бороду, ему можно было дать сколько угодно лет, от двадцати пяти до сорока. Сейчас его тридцать восемь и даже чуть больше были написаны у него на лбу.

Упали первые капли. Георг вошел внутрь и подсел к Морису, Иву, Надин, Жерару и Катрин. Они тоже кое-как сводили концы с концами, жили случайными заработками, но больше за счет близких – жены или подруги или соответственно мужа или друга. Жерару с Катрин еще повезло: у него был маленький ресторанчик в Кюкюроне, а она служила бухгалтером в Эксе.

Когда за окнами зашумел дождь и они по очереди заказали на всех по стаканчику пастиса, Георгу стало легче на душе. Ничего, он пробьется! Они все пробьются. Сумел же он продержаться эти два года, что прошли с момента его отъезда из Карлсруэ. И разлуку с Ханной он тоже как-то пережил.

Когда он доехал до гор, ограничивающих с севера долину Дюранса¹, солнце пробилось сквозь тучи. С высоты открывался широкий вид на низину, в которую с юга спускаются отроги горного массива Люберон, – виноградники, фруктовые сады и овощные плантации, пруд, отдельные крестьянские усадьбы, несколько маленьких городишек, не намного больше деревни, но каждый с замком, собором или развалинами древней крепости. Крохотный, игрушечный мир из далеких детских грез. Георг любил этот мир даже осенью и зимой, когда над бурой землей тянется дым с полей и курятся печные трубы. Сейчас Георг радовался зелени весны и сиянию приближающегося лета. Солнце сверкало на поверхности пруда и на крышах теплиц.

Впереди показался Ансуи, маленький гордый городишко на одинокой скале. Окаймленный кипарисами пандус и высокий каменный мост вели к замку. Георг проехал под мостом, повернул направо, потом еще раз направо, на утопающую в зелени гравийную дорогу. Его дом находился в полях перед Кюкюроном.

---

¹ Дюранс – река на юго-востоке Франции. – Здесь и далее примеч. переводчика.

2

Они с Ханной въехали в этот дом два года назад. Прощание с Карлсруэ было омрачено разными обстоятельствами. Ссора с адвокатом, вместе с которым Георг работал, слезы и упреки бывшего друга Ханны, скандал с родителями, страх, охвативший их после сожжения всех мостов. То, что должно было стать радостным исходом из родного болота и освобождением от добровольной каторги профессиональной деятельности, превратилось почти в бегство. В Париже, где они собирались осесть, работы для них не нашлось; им приходилось жить чуть ли не в притонах, и их роман дал мощную трещину. Кюкюрон стал новым этапом. Георг знал этот городишко – он отдыхал здесь когда-то во время отпуска – и теперь надеялся найти работу в Эксе или Авиньоне. В первый месяц им опять пришлось тужить. Но потом Георгу подвернулось место помощника киномеханика в Авиньоне, и они нашли этот дом.

Им нравилось, что он стоял на отшибе, на солнечном склоне холма, в окружении вишневых и сливовых деревьев, посреди грядок с помидорами и дынями. Что на балконе и в саду с утра до вечера было солнце, а под балконом – во всю ширину второго этажа – тень и прохлада. Что внизу было две, а наверху три огромные комнаты. Что дом имел пристройку, где Ханна могла устроить мастерскую. Она занималась графикой и живописью.

Они привезли из Карлсруэ свою мебель и мольберт Ханны. Георг насадил огород с разными травами, Ханна оборудовала мастерскую. Когда карьера Георга в качестве киномеханика неожиданно закончилась, Ханна нашла временную работу в типографии. Потом они оба смогли немного подработать на сборе урожая. Зимой Георг получил первые переводы от Морена. Но как они ни крутились, денег катастрофически не хватало, и Ханна уехала на два месяца к своим родителям в Карлсруэ. Те были богаты и не раз изъявляли готовность помогать дочери материально, но только не в Париже, не в Кюкюроне и не с Георгом. Два месяца растянулись на четыре. Ханна приехала только к Рождеству, на несколько дней, а потом еще раз – за вещами. Мебельным фургоном, в который она загрузила шкаф, кровать, стол, кресло, четырнадцать картонных коробок и мольберт, управлял ее новый друг. Георгу она оставила двух кошек.

В двадцать пять лет Георг женился на своей школьной подруге Штеффи, в тридцать развелся, имел еще несколько более или менее продолжительных романов, пока не встретил Ханну. «Вот та женщина, которую я искал», – подумал он.

Он любил разрабатывать теории. О женитьбе на школьных подругах, о сотрудничестве адвокатов, о курящих и некурящих, о мечтателях и прагматиках, о естественном и искусственном интеллекте, о приспособлении к обстоятельствам и нежелании мириться с ними, о настоящей жизни. Особенно об отношениях между мужчиной и женщиной. О том, что лучше – если оба мгновенно, с полуоборота, влюбляются друг в друга или если любовь растет и крепнет постепенно. Если отношения развиваются в строгом соответствии с теми законами, по которым они возникают, или если возможны глубокие метаморфозы. Определяется ли их качество долговечностью, или они, наоборот, должны рано или поздно исчерпать себя и закончиться. Существует ли на самом деле то, что называется «женщина на всю жизнь» (соответственно «мужчина на всю жизнь»), или с разными партнерами ты просто проживаешь разные жизни. Должен ли партнер быть похож на тебя или, наоборот, ни в коем случае.

Теоретически Ханна была «женщиной на всю жизнь». Она была совершенно другой, непохожей на него – не интеллектуалка, склонная к дискурсивному мышлению, а импульсивная и прямая, потрясающая любовница и в то же время инициативная и самостоятельная партнерша по планированию совместных проектов. «Она поможет мне совершить то, что я всегда хотел, но не решался совершить», – подумал он.

Оставшись один с двумя кошками, проектом книги, которую должен был написать он, а иллюстрировать она и который так и остался проектом, в слишком большом доме со слишком высокой платой за коммунальные услуги, Георг быстро забыл про все свои теории. Ханна бросила его в феврале, и соседки говорили, что не припомнят такого холодного февраля. Тогда одной из главных забот Георга было – где взять денег на жидкое топливо? Иногда ему хотелось обсудить с Ханной причины, по которым их союз потерпел крушение, но на его письма она не отвечала, а телефон ему отключили.

Он продержался остаток зимы и весь следующий год. Возможно, он и смог бы худо-бедно жить на гонорары за переводы для Морена, но каждый раз гадать, когда поступит следующий заказ и поступит ли он вообще, – это не жизнь. Он без устали рассылал письма по городам и весям, предлагал свои услуги в качестве литературного переводчика, технического переводчика, какого угодно переводчика, пытался соблазнить французских адвокатов своей немецкой юридической квалификацией, а немецкие газеты – заметками и репортажами из Прованса. То, что при этом у него оставалась масса свободного времени, было слабым утешением. Правда, голова его была переполнена репортажами, рассказами и детективами, которые ему хотелось написать. Но все это заглушал страх в виде неотступного вопроса: когда позвонит Морен? Или (если телефон в очередной раз был отключен): когда лучше позвонить ему? «Он сказал, послезавтра. Но вдруг он получит заказы завтра и не сможет до меня дозвониться?.. Станет ли он держать их для меня до послезавтра или отдаст кому-нибудь другому? Может, все-таки позвонить завтра?»

Как все несчастливые люди, он стал неудобоварим для окружающих. Словно мир был перед ним в долгу и он решил дать ему это почувствовать. Его вражда к миру то разгоралась, то утихала. Иногда он сменял гнев на милость. Например, написав и отправив три письма потенциальным работодателям, три особенно красноречивых и убедительных письма; или сидя вечером у Жерара в его «Старых временах» и ощущая в кармане приятную тяжесть монет, полученных за сданную работу; или пообщавшись с кем-нибудь из друзей, которые, как и он, отчаянно боролись за существование и не теряли надежду; или работая в своем огороде; или сидя перед горящим камином в доме, благоухающем лавандой, пучок которой он повесил в отдушине; или принимая гостей из Германии – настоящих гостей, а не тех, которые рассматривали его дом всего лишь как бесплатный мотель на пути в Испанию; или найдя удачный сюжет для рассказа. Нет, он далеко не всегда был несчастлив и неудобоварим.

Осенью окотилась соседская кошка, и Георг взял себе маленького черного котика с белыми лапками. Допи. Двух других звали Белоснежка и Сниз². Белоснежка тоже был кот, совершенно белый.

Когда Георг приехал из Марселя домой и вылез из машины, его встретили все три кошки и принялись тереться о ноги. Мышей в полях было предостаточно. И они их ловили. Но приносили ему. И требовали взамен корма из банок.

– Привет, хвостатые. Вот и я. С работой опять облом. Сегодня ничего не было, и завтра ничего не будет. Вам на это, конечно, наплевать. Вас это не волнует. Белоснежка, ты же такой большой и взрослый, ты-то должен понимать, что если нет работы, значит нет и еды. Допи, тебе, конечно, простительно не понимать этого, ты еще маленький, глупый и ничего не знаешь.

Георг взял котенка на руки и пошел к почтовому ящику:

– Смотри-ка, Допи, какое шикарное письмо нам с тобой прислали! Толстое-претолстое! И это толстое-претолстое письмо нам прислал толстый-претолстый издатель. И в этом толстом-претолстом письме обязательно должно быть какое-нибудь хорошее известие.

² *Допи* (Dorey – в русском переводе Простачок) и *Сниз* (Sneezy – Чихун) – имена гномов из знаменитого мультфильма Уолта Диснея «Белоснежка и семь гномов» (1937).

Он открыл входную дверь, которая была одновременно и дверью в кухню, достал из холодильника полбанки кошачьего корма и полбутылки белого вина, выложил корм кошкам, себе налил вина, включил музыку, открыл дверь из каминной комнаты на террасу и направился с бокалом и письмом к креслу-качалке. При этом он продолжал монолог, обращенный к кошкам и к себе самому. Привычка говорить с самим собой и с кошками появилась у него недавно, в этом году.

– Письмо может подождать. Оно никуда не убежит. Вы когда-нибудь видели письмо, которое умеет бегать? Которое раздражается, когда его заставляют ждать? Если в нем хорошая новость, вино будет кстати, чтобы отпраздновать это событие, а если плохая – тоже пригодится, для утешения.

Георг недавно прочел французский роман, еще не переведенный на немецкий, который ему понравился. Роман, обещавший стать «культовым бестселлером» и хорошо вписывавшийся в профиль данного издательства. Георг послал им оригинал и «образец рукописи» перевода.

Многоуважаемый г-н Польгер!

Благодарим Вас за присланные Вами... Мы с интересом прочли... идея показалась нам заманчивой... в самом деле удачно вписывается в упомянутую серию... переговоры с Флавины... Что же касается Вашего предложения выполнить перевод романа, то мы, к сожалению, вынуждены огорчить Вас... уже много лет сотрудничаем с переводчиком, который... просим отнестись с пониманием... возвращаем Вам любезно предоставленный...

«Скоты! Спокойно берут мою идею, а мне показывают шиш! И даже не думают в благодарность заплатить за „образец рукописи“, предложить другой заказ или хотя бы пообещать в будущем иметь меня в виду. Две недели я угробил на этот перевод! Две недели коту под хвост! Скоты!»

Георг вскочил и пнул лейку.

3

С долгами дело обстоит так же, как с погодой, думал Георг. Ты едешь в Марсель, выезжаешь из дома при ярком солнце и прибываешь в ливень; в промежутке – отдельные облачка над Пертюи, черные тучи над Эксом, а в Кабриесе падают первые капли. Или ты сидишь на террасе и сначала светит солнце и сияют голубые небеса, потом набегают отдельные тучки, потом еще и еще, потом начинает накрапывать дождь и наконец льет как из ведра. И в том и в другом случае проходит час – час в машине или час на террасе. И какая разница – приезжаешь ты из хорошей погоды в плохую или никуда не едешь и погода сама портится на месте. Тучи что здесь, что там выглядят одинаково, и промокаешь ты и в том и в другом случае. «Им хорошо говорить, родителям и друзьям: не делай долгов! Да, иногда я влезаю в долги. Но чаще всего они растут сами по себе как снежный ком. А как именно они получаются – мне плевать. Результат все равно тот же самый».

Он вернулся домой от Жерара и Катрин. Ему частенько приходилось есть и пить у них в кредит. Но он же периодически возвращал им долги! Сдав какой-нибудь перевод и получив деньги, он оставлял на столе даже больше суммы, указанной в счете. До чего же люди бывают мелочными, злился Георг. Когда он после своей неудачной поездки пришел в «Старые времена», Жерар принес ему феттучине с лососем, вино, а потом кофе и кальвадос. Положив перед ним счет, он хотя и не отказался приплюсовать это к его долгу, но сделал недовольную мину и даже позволил себе какие-то прозрачные намеки. Георг не стерпел и выложил всю сумму и еще пару франков сверх того. Это были деньги, которыми он собирался заплатить за телефон.

На следующий день он принялся наводить порядок в мастерской. Он решил сложить здесь дрова, которые заказал для камина. Заказал и, к счастью, уже оплатил. Их должны были привезти после обеда. Как его угораздило заказать эти дурацкие дрова, он уже не помнил. Чего-чего, а валежника в лесах вокруг Кюкюрона хватало.

Георг не любил заходить в мастерскую. Здесь воспоминания о Ханне были особенно острыми и болезненными. Огромный рабочий стол Ханны у окна, который они смастерили вместе и который тут же обновили и проверили на прочность, занявшись на нем любовью. Эскизы к последней большой картине маслом на стене. Забытый Ханной рабочий халат на крючке. Поскольку в мастерской стоял отопительный котел и хранились картонные коробки, Георгу все же время от времени приходилось сюда заглядывать. Но делал он это так редко, что все здесь заросло грязью.

И он решил наконец покончить с этим. Вскоре коробки были аккуратно сложены в штабель, место для дров расчищено, а рабочий халат Ханны лежал в мусорном ведре.

Пришла машина. Но не с дровами и не с почтой. Это был Герберт, еще один немец, живший в Пертюи, который вообще-то собирался заниматься живописью, но никак не мог ею заняться, потому что ему то и дело мешали какие-то новые обстоятельства. Они выпили бутылку вина, поговорили о том о сем. Но больше о «новых обстоятельствах».

– Да, кстати, – сказал Герберт уже на пороге, – ты не одолжишь мне пятьсот франков? Понимаешь, эта галерея в Эксе...

– Пятьсот франков? Извини, но я сам на мели. – Георг беспомощно поднял плечи и показал пустые руки.

– Я думал, мы друзья... – обиженно произнес Герберт.

– Даже если бы ты был моим братом – я ничего не могу тебе дать, у меня просто ничего нет.

– Ну, за жилье, за следующий месяц, я думаю, у тебя уже денежки отложены, да и на вино, наверное, тоже хватит. Сказал бы прямо, что не хочешь давать мне в долг!

Подъехала машина с дровами. Обшарпанный, побитый грузовик с открытым кузовом и кабиной без дверей. Из кабины вылезли мужчина и женщина, оба преклонного возраста; у мужчины не было одной руки.

– Куда мсье прикажет сложить дрова? Дрова отличные, сухие, душистые! Мы их во-он там собирали. – Мужчина показал рукой на склоны Люберонских гор.

– Ну ты и скотина! Хоть бы врать научился!

Герберт сел в машину и уехал.

Стоять сложа руки и смотреть, как старики работают, Георг не мог. Как и запретить женщине подтаскивать дрова к борту, а ее мужу таскать их в мастерскую. Поэтому он метался с охапкой дров от одного к другому.

После обеда он поехал в Кюкюрон. Городишко раскинулся на двух холмах, один из которых был увенчан церковью, другой – развалинами старинного замка. Полгорода опоясывала древняя стена, на которую опирались, а местами даже взгромоздились дома. Каждый раз, подъезжая к Кюкюрону по ухабистой дороге, а особенно после получасового марш-броска пешком по полям, Георг при виде этого «человеяника», сияющего желтизной на солнце или придавленного к земле серыми тучами, но всегда уютного, аппетитного, надежного, чувствовал приятное тепло в груди, как много лет назад, когда он впервые оказался в этих местах.

Перед городскими воротами располагался большой четырехугольный пруд, обнесенный каменной оградой и окаймленный старыми платанами. С торцевой стороны его, обращенной к городу, находился рынок, а рядом с весны до осени стояли столики бара «У пруда». Летом здесь всегда было прохладно, а осенью, когда платаны сбрасывают листву, приятно было посидеть, наслаждаясь последним теплом уходящего лета. Это место тоже излучало домашний уют. В баре, где было бочковое пиво и подавались сэндвичи, встречались все, кого знал Георг.

На этот раз приятное чувство примирения с жизнью не наступило даже после третьего бокала пива. Георг все еще злился на Жерара и на Герберта. И вообще, как ему осточертело это проклятое безденежье!

Он поехал домой и с тяжелой головой лег, чтобы отдать дань сиесте. «Неужели я тоже стану таким, как Герберт? – подумал он. – Или я уже такой, как он?»

В четыре часа его разбудил телефонный звонок:

– «Булнаков традуксьон». Я говорю с мсье Польгером?

– Да.

– Мсье Польгер, мы здесь в Кадене пару недель назад открыли бюро переводов, и заказов, слава богу, оказалось гораздо больше, чем мы ожидали, так что мы ищем сотрудников. Нам посоветовали обратиться к вам. Вас интересуют переводы?

Георг снял трубку, еще не проснувшись как следует. Теперь сон его как рукой сняло. Только голос пока плохо его слушался.

– Вы хотите сказать... то есть вы предлагаете мне... Интересуют ли меня в данный момент переводы? Думаю... да.

– Очень хорошо. Наш адрес: рю Д'Амазон, сразу же за площадью с «Барабанщиком»³. Вы увидите табличку на доме. Загляните к нам как-нибудь на днях.

---

³ Имеется в виду статуя работы Ж. Б. Ами «Аркольский барабанщик» – памятник юному барабанщику Андре Этьену, отличившемуся в битве при Арколе (1796), одному из первых кавалеров ордена Почетного легиона.

4

Георг с удовольствием поехал бы туда сразу же. Но он наступил себе на горло и не поехал. Он наступил себе на горло и в среду, и в четверг, решив отправиться в Кадене в пятницу, часам к десяти утра. Джинсы, синяя рубашка и кожаная куртка, под мышкой папка с рабочими материалами от Морена: заинтересованный в переводах, но не испытывающий недостатка в заказах – так он решил обставить свой выход.

Все получилось, как было задумано. Георг позвонил в пятницу утром, договорился о встрече с шефом в десять часов, припарковался на площади с памятником маленькому барабанщику, прошел сотню метров по рю Д'Амазон и в пять минут одиннадцатого нажал кнопку звонка под медной табличкой «ООО „Булнаков традюксьон“».

На третьем этаже была открыта дверь, пахло краской, в свежевыкрашенной приемной за пишущей машинкой сидела молодая женщина. Каштановые волосы до плеч, карие глаза, приветливый взгляд, полуулыбка.

– Мсье Польжёр? Присядьте, пожалуйста, мсье Бюльнакоф примет вас буквально через минуту.

Она сказала «Польжер» и «Бюльнакоф», но Георг отчетливо услышал иностранный акцент, только никак не мог понять, какой именно.

Едва он успел устроиться на одном из новехоньких стульев, как открылась другая дверь и в приемную ввалилось по меньшей мере полтора центнера живого веса, воплощенная деловитость в сочетании с громогласной общительностью – Булнаков, краснолицый, в жилетке и кричащем галстуке.

– Как хорошо, что вы нашли время заглянуть к нам, мой молодой друг. Вы позволите мне называть вас «мой молодой друг»? У нас тут работы невпроворот, и вы, как я вижу, тоже не сидите сложа руки, вон у вас сколько работы, вы ее даже носите с собой и тоже, наверное, мучитесь. Хотя нет, чего вам мучиться? У вас наверняка все так и горит в руках, вы же такой молодой. Я тоже когда-то был молодым...

Стиснув руку Георга обеими ладонями, он тряс ее, пожимал и не выпустил даже после того, как затащил гостя к себе в кабинет.

– Позвольте, я закрою дверь в свой будуар и скажу несколько слов в качестве вступления. А впрочем, какие там вступления! Давайте сразу *medias in res*⁴. Технические переводы, справочники по компьютерной обработке текстов, бухгалтерия, юридическое сопровождение клиентов, мандантов и так далее и так далее, маленькие, удобные, приятные программы, но толстые книги. Понимаете? Вы, конечно, с техникой на «ты», в том числе с компьютерами, легко переходите с английского на французский, с французского на английский, работаете быстро, верно? Скорость в нашем деле – главное. А если ваш диктофон несовместим с нашими, мы вам одолжим наш. Потом мадемуазель Крамски печатает ваш текст, вы быстренько просматриваете его – и в печать! *Cito, cito*⁵ – так, кажется, говорил ваш Фридрих Великий?⁶ Вы ведь немец? А может, это был наш Петр Великий, не важно. Однако вы ничего не отвечаете. Что-то не так?

Булнаков отпустил руку Георга и закрыл дверь. В кабинете тоже стоял запах краски. Новый письменный стол, новое офисное кресло, новая мягкая мебель. Горы папок на двух кирпичных консолях вдоль всей стены, а над ними – прикрепленные кнопками чертежи. Булнаков прошел к письменному столу, приветливо и в то же время озабоченно посмотрел на Георга и повторил вопрос:

⁴ Прямо к делу, без обиняков (*лат.*).

⁵ Живо-живо (*лат.*).

⁶ Фридрих II Великий (1712–1786) – король Пруссии.

– Что-то не так, мой молодой друг? Вы не торопитесь с ответом в ожидании главного – условий оплаты, верно? Да, это щекотливая тема, мне ли этого не знать! Но больше тридцати пяти сантимов я все равно платить не могу. Я понимаю: на такие гонорары не разбогатеешь, во всяком случае Крёзом⁷ не станешь, но и до Диогена⁸ с ними тоже далеко. Не подумайте, что я вас сравниваю с Диогеном, это так, к слову пришлось.

Тридцать пять сантимов за слово! Морен начал платить ему тридцать пять сантимов только через полгода! К тому же не надо будет таскаться в Марсель и самому печатать переводы.

– Мсье Булнаков, благодарю вас за радушный прием. Я рад, что вы проявили интерес к моей работе, и готов перераспределить свое рабочее время в пользу вашего бюро, но, видите ли, я беру *пятьдесят* сантимов за слово. Вы можете спокойно подумать и, если сочтете возможным для себя согласиться на мои условия, дайте мне знать. А пока наши представления о финансовой стороне вопроса, к сожалению, несколько диссонируют.

«Дурацкий ответ», – с досадой подумал Георг, но порадовался про себя, что выдержал марку и не ухватился за предложение обеими руками.

Булнаков рассмеялся:

– Мы знаем себе цену и требуем свое! Так? Похвально, мой молодой друг, похвально! Ну что ж, не будем усложнять. Мое слово: сорок пять сантимов – и дело в шляпе! По рукам? По рукам.

Он вручил Георгу увесистую рукопись, верстку какого-то справочника.

– Значит, первая половина в следующий понедельник, остальное в среду, договорились? Да, и еще: конференция IBM в Лионе на следующей неделе, в четверг и пятницу. Если вы съездите туда вместе с мадемуазель Крамски и наострите уши и карандаш, послушаете, наматаете на ус, запишете что надо и представите нам подробный отчет... Тысяча франков в день плюс командировочные... И на этот раз мы уже не будем торговаться и препираться, верно? А сейчас прошу меня извинить: дела!

В приемной Георг обсудил с мадемуазель Крамски детали поездки. Он только теперь заметил – а может быть, это его прекрасное настроение открыло ему на нее глаза, – что она хороша собой. Белая блузка с белой вышивкой и белым кантом на груди; один рукав закатан, другой расстегнут. Маленькие крепкие груди без бюстгальтера, золотистые волосы на загорелых руках. Закругленные углы воротничка, придающие ей дополнительный шарм, две верхние пуговицы кокетливо расстегнуты. Когда она смеялась звонко и задорно, смеялись и ее глаза. А когда задумывалась – на чем лучше поехать, на поезде или на машине, когда удобнее выезжать: лучше, наверное, в среду вечером, когда перевод будет напечатан и прочитана корректура, – над правой бровью, у самой переносицы, у нее появлялась нежная ямочка. Георг сказал что-то смешное, мадемуазель Крамски засмеялась, качая головой, и в этот момент широкий густой луч солнца, упавший между двух башен церкви, зажег в ее колышущихся волосах золотые искорки.

---

⁷ Крёз (595–546 до н. э.) – последний царь Лидии из рода Мермнадов. О богатстве Крёза существует множество легенд. Имя его вошло в поговорку: «Богат, как Крёз».

⁸ Диоген (ок. 412 до н. э. – 323 до н. э.) – древнегреческий философ, который, проповедуя аскетический образ жизни, презирал роскошь, довольствовался одеждой бродяги и использовал для жилья пифос (большой сосуд для вина).

5

Георг никогда еще не работал так, как в те дни. Ни перед государственным экзаменом, ни в адвокатской конторе. Не только потому, что справочник был толстый, а перевод компьютерного языка с английского на французский оказался далеко не самой легкой задачей, и не только ради следующего, и третьего, и четвертого перевода, и даже не только ради денег. Он чувствовал в себе неиссякаемый источник мощной энергии, ему хотелось доказать себе, Булнакову, всему миру, что он тоже не лыком шит. В субботу вечером он позволил себе ужин у Жерара, причем ушел сразу же после кофе, не выпив даже рюмки кальвадоса, а в воскресенье – короткую прогулку, и то только потому, что на ходу ему лучше думалось и легче было формулировать фразы для раздела о функции «Help». Остальное время он провел за письменным столом, в комнате или на террасе, забывая даже покурить.

В понедельник утром, закончив две трети перевода, он надиктовал его на кассету и поехал в Кадене, насвистывая, напевая и отстукивая ритм на рулевом колесе. Не застав в бюро переводов ни Булнакова, ни мадемуазель Крамски, он отдал кассету молодому человеку, который явно не страдал болтливостью, потому что выдал из себя лишь «мерси», и принялся за оставшуюся часть. В ночь со вторника на среду он закончил работу, позавтракал на балконе свежим хлебом, беконом, яйцами, кофе и свежавыжатым апельсиновым соком – под треск цикад и щебет птиц, вдыхая аромат лаванды, наслаждаясь горячим солнцем, припекавшим ему спину, и глядя через зеленые дали в сторону Ансуи, где сквозь утреннюю дымку чернел замок. Потом собрал вещи, положил в сумку костюм для конференции и в десять часов был уже в Кадене.

Толстая красная физиономия Булнакова сияла как маков цвет.

– Прекрасный перевод, мой молодой друг, хорошая работа. Я все просмотрел. Читать корректуру вам уже не надо. Выпейте со мной кофе, сейчас придет мадемуазель Крамски, и вы можете отправляться.

– А вторая часть текста?

– Ее напечатает коллега мадемуазель Крамски, а я опять поработаю корректором. Вы лучше постарайтесь поскорее добраться до Лиона. Сегодня вечером – прием у мэра, и вам надо обязательно там быть.

Потом мсье Булнаков засыпал его вопросами: откуда он родом, где и чему учился, кем работал и почему уехал из Карлсруэ в Кюкюрон.

– Да, в молодости все по плечу... Правда, я тоже не выдержал в Париже и открыл бюро здесь, так что я прекрасно вас понимаю.

– А вы из России?

– Родился в России, вырос в Париже, но дома у нас говорили только по-русски. Хотелось бы дожить до тех времен, когда российский рынок откроется для наших товаров, в том числе для компьютеров и программного обеспечения. Да, кстати, вот вам два конверта с деньгами, в одном гонорар за перевод, в другом – ваши командировочные, аванс. А вот и мадемуазель Крамски.

На ней было легкое бледно-голубое платье в красную полоску, с крупными голубыми цветами, голубой пояс и синий платок на шее. Густые, причесанные на пробор волосы падали гладкой блестящей волной. Взгляд ее, как и в первый день, выражал приветливость. Развеселившись при виде Булнакова, который с отеческой заботой хлопотал вокруг них, как будто отправлял в далекое путешествие собственных детей, она прикрыла смеющийся рот рукой. Георг отметил про себя, что ноги у нее, пожалуй, чуть коротковаты, но решил, что в этом даже есть что-то трогательное, – как будто она крепко стоит на земле. Он был уже влюблен, но пока еще не знал этого.

Они поехали на ее зеленой малолитражке. В машине, которая постояла на солнце, было жарко, и они открыли верх и оба окна. Стало даже прохладно. За Лурмареном Георг остановился, достал из сумки платок и повязал на шею, чтобы не простудиться. По радио передавали какое-то сумасшедшее попурри на известные темы, от Вивальди до Вагнера, в джазовой и эстрадной обработке, слащаво-сентиментальные опусы для любителей кича. Они развлекались тем, что заключали пари – какая тема будет следующей, и в конце концов она осталась должна ему три *petits blancs*⁹, а он ей пять. Потом они добрались до Боньё. Городок, расположенный на вершине высокой горы, мерцал в лучах полуденного солнца. Попетляв по узким улочкам, они поехали вниз, вдоль виноградников, в направлении *Route Nationale*¹⁰. Они говорили о музыке, о кино, о том, где и как они жили, а на пикнике он рассказывал ей о Гейдельберге, о Карлсруэ, о своих адвокатских буднях и о жизни с Ханной. Он сам удивлялся своей открытости, им овладело какое-то необычное, радостное чувство доверия к ней.

После пикника они перешли на «ты», и она расхохоталась, узнав, что ее имя в немецком варианте звучит так резко и грубо.

– Нет, Франсуаза, все зависит от того, как произносить. Конец может звучать как взрыв или как выдох... – Он продемонстрировал ей и то и другое. – А я... я... вообще не стал бы называть тебя Франциской.

– А как?

– Кареглазкой. У тебя самые карие глаза из всех, что мне когда-либо доводилось видеть. По-французски так не скажешь, а по-немецки – очень даже милое имя. И именно так бы я тебя и называл.

Она смотрела вперед, на дорогу.

– Это ласкательное имя?

– Это имя для человека, который нравится.

Она серьезно посмотрела на него. Волосы упали ей на лицо, прикрыв левый глаз.

– Мне приятно путешествовать с тобой на машине среди этих красот, – сказала она.

Георг выехал на платную автомагистраль, остановился на площадке контрольного пункта, вытащил карту из автомата и втиснулся в поток машин.

– Расскажи мне что-нибудь, – попросила она.

Он рассказал ей сказку про гусятницу. Стихи он сначала произносил по-немецки, а потом по-французски; он помнил их наизусть. Когда камеристка сказала: «Такая обманщица достойна была бы того, чтобы раздеть ее донага, посадить в бочку, утыканную гвоздями, а в ту бочку впрячь двух коней и возить ее по улицам вверх-вниз, пока не издохнет», она испуганно ахнула. Она догадалась, что король ответит: «Эта обманщица – ты сама, и произнесла ты свой собственный приговор, и да будет тебе по слову твоему».

По дороге до Монтелимара она рассказала ему польскую сказку, в которой крестьянин обдурил черта, потом они молча слушали музыку – квартеты Моцарта. Заметив, что Франсуаза уснула, Георг сделал радио тише. Он радовался движению, несущемуся навстречу ветру, тихому посапыванию Франсуазы и ее блаженному причмокиванию, когда она, восторженно встрепенувшись во сне оттого, что ее голова съехала вниз, вновь прислоняла ее к стеклу.

В Лионе все отели оказались переполненными, им пришлось проехать десять километров в горы, но и там они смогли найти лишь один двухместный номер. У Франсуазы разболелась шея, и Георг сделал ей массаж. Переодевшись, они поехали в город, поужинали и отправились на прием в мэрию, где им пришлось расстаться, но, беседуя с тем или иным из приглашенных, они время от времени отыскивали друг друга глазами в толпе, заполнившей просторный зал.

---

⁹ Стаканчика белого вина (*фр.*).

¹⁰ Дорога государственного значения (*фр.*) – автотрасса, связывающая между собой крупные регионы страны; в отличие от автомагистрали – бесплатная.

На обратном пути поднялся такой густой туман, что Георгу пришлось буквально ползти от одного светоотражателя к другому.

– Так приятно, что ты сидишь рядом!

Потом они лежали рядом в кровати. Франсуаза рассказывала о своей подруге, которая, спасаясь от несчастной любви, уехала в Америку и сразу же неудачно влюбилась там в какого-то ливанца. Когда она потянулась к выключателю стоявшей на тумбочке лампы, он обнял ее за талию. Она прижалась к нему в темноте, положив голову ему на грудь. Он некоторое время молча гладил ее, потом они стали жадно целоваться, не в силах оторваться друг от друга.

Когда все было позади, она тихо заплакала.

– Что-нибудь не так, Кареглазка?

Она покачала головой, и он принялся губами осушать ее слезы.

6

В Кадене они вернулись только утром в понедельник. Конференция закончилась в пятницу, они поехали в Сен-Латье, поужинали и переночевали в дешевом отеле «Liège Amoureux»¹¹, проспали до позднего утра, потом нашли в мишленовском гиде гостиницу «Les Hospitaliers»¹² в Ле-Поэ-Лавале, тоже однозвездочную, и переночевали там. Последнюю ночь они провели под открытым небом вблизи Руссильона. Им не захотелось уезжать после пикника: вечер был теплым, небо усыпано звездами, и они проспали до рассвета, прижавшись друг к другу под пледами, которые Франсуаза возила с собой в машине. До Кадене им оставалось два часа езды. Светило солнце, воздух был прозрачен, а дорога – пуста. В маленьких городишках, через которые они проезжали, на витринах магазинчиков поднимались ставни, двери баров и булочных уже были открыты, жители несли домой багеты. Георг вел машину, рука Франсуазы лежала у него на бедре. Он долго молчал, потом спросил:

– Ты переедешь ко мне?

Он наслаждался радостным предвкушением своего вопроса и ее ответа, он знал, что она скажет «да», что между ними полная гармония. И вообще вся его жизнь вновь вернулась в состояние гармонии.

На конференции все сложилось наиболее благоприятным образом. Он вел себя свободно и непринужденно, поражал собеседников интересными вопросами и остроумными ответами, раздавал не только булнаковские визитные карточки, но и свои собственные, и один адвокат из Монтелимара, специализировавшийся на лизинге компьютерного оборудования и ответственности за программное обеспечение, пожелал «остаться с ним на связи» на случай немецко-французских тем. Представитель «Ксерокса» удивился, услышав название только что переведенного им справочника:

– Его же перевели еще год назад!

Плывать, это не его проблема. Главное, что в кармане пиджака – булнаковский конверт с шестью тысячами франков, а рядом сидит Франсуаза. Во вторую ночь, с четверга на пятницу, он сжег все мосты, отбросил всю осторожность и предусмотрительность. «Пусть это будет всего лишь одна ночь или несколько дней, – думал он, – пусть! Я принимаю это и постараюсь не влюбиться и не пропасть».

Ночью, проснувшись, он прошлепал в ванную, уселся на стульчак и, подперев голову руками, вдруг задумался и загрустил. Пришла Франсуаза, встала рядом, он прижался головой к ее голому бедру, и она стала гладить его волосы, а потом вдруг сказала «Георг» вместо «Жорж». Правда, это прозвучало немного неуклюже, но в груди у него потеплело. Он говорил ей, что родители, и сестра, и школьные и университетские друзья звали его Георгом, пока он после своей адвокатской практики во Франции не превратился в Жоржа. Он вообще много рассказывал ей о своем детстве, о школьной и университетской жизни, о женитьбе на Штеффи и о жизни с Ханной. Ей было интересно все. То, что сама она не много рассказывала о себе, его не смущало. Значит, она просто тихая и скромная, думал он. Но молчаливой ее назвать было трудно: она очень подробно рассказала, как перебралась из Парижа в Кадене, как нашла и обустроила квартиру, как адаптировалась к новым условиям, как завела первые знакомства. По его просьбе она рассказала и о парижском бюро переводов Булнакова, о его инфаркте год назад и о его решении работать меньше и где-нибудь подальше от столицы. Он уговорил и ее переехать в Кадене, предложив такие выгодные условия контракта, что она просто не смогла отказаться.

¹¹ «Влюбленный заяц» (фр.).

¹² «Странноприимцы» (фр.).

– Как ты понимаешь, не так-то просто бросить все в Париже и переехать в глухую провинцию.

Когда она что-нибудь рассказывала, речь ее обычно становилась торопливой, бойкой и смешной. Георг часто смеялся.

– Ты надо мной смеешься! – говорила она, притворно надув губы, и, обхватив его руками, целовала.

В Ле-Поэ-Лаваль они приехали довольно рано и, едва войдя в номер, жадно набросились друг на друга. Одним движением он стащил с себя пуловер, рубашку и футболку, вторым – брюки, трусы и носки. Они любили друг друга, засыпали, а проснувшись, сразу же вновь разгорались от поцелуев и прикосновений. Сев на него верхом, она медленно двигалась и, когда его возбуждение усиливалось, на несколько секунд замирала. За окнами сгущались сумерки, ее лицо и тело мерцали в полутьме, и он не мог насмотреться на нее, но то и дело закрывал глаза от блаженства и острого ощущения любви. Он тосковал по ней, хотя она была рядом.

– Если у меня будет от тебя ребенок, ты ведь будешь присутствовать при родах, правда? – спросила она серьезно.

Он молча кивнул. Говорить он не мог: по щекам у него катились слезы.

– Ты переедешь ко мне?

Он задал этот вопрос перед Боньё. Она смотрела на дорогу и не отвечала. Потом сняла руку с его бедра и закрыла лицо ладонями. На вершине горы он остановился и выключил зажигание. Боньё остался позади, а перед ними, еще объятые утренней тенью, зияло ущелье, которое перерезало Люберон. Он ждал, не решаясь повторить вопрос или отвести ее руки от лица, боясь прочесть на нем какую-нибудь горькую истину. Наконец она заговорила, не отнимая рук от лица, каким-то незнакомым, чужим голосом, бесцветным, испуганным, голосом маленькой девочки:

– Я не могу переехать к тебе, Георг... Не спрашивай меня ни о чем, не допытывайся – я не могу! Я бы рада была, с тобой так хорошо, с тобой все хорошо, но... я не могу! Пока. Я буду приходить к тебе часто, и ты можешь приходить ко мне. Но сегодня... Высади меня, пожалуйста, у моего дома, мне надо быстро переодеться – и в контору. Я позвоню тебе.

– Ты не едешь в контору? А машина?

Георг хотел спросить совсем о другом.

– Нет. – Она отняла руки от лица и вытерла слезы. – Ты высадишь меня и оставишь машину перед конторой. Я с удовольствием пройду пешком. Поехали.

– Франсуаза, я ничего не понимаю. После всего, что произошло...

Она бросилась ему на шею:

– Это было прекрасное время! И я хочу, чтобы все так и осталось, чтобы ты был счастлив. – Она поцеловала его: – Поехали! Пожалуйста!

Он включил зажигание и тронулся. На окраине Кадене он высадил ее у виллы, где она снимала квартиру управляющего. Он хотел внести в дом ее сумку, но она отказалась. В зеркале он видел, как она стояла перед железной решеткой ворот, между двумя увенчанными шарами каменными столбами, от которых в обе стороны вела старая густая самшитовая изгородь. Она подняла руку и помахала ему, кокетливо пошевелив пальцами.

7

Булнаков встретил его с озабоченным лицом:

– Проходите, мой молодой друг, проходите, садитесь.

Он тяжело опустился в кресло за письменным столом и указал рукой на стул напротив. На столе лежала раскрытая газета.

– Отчет о конференции вы можете представить мне в один из ближайших дней, это не к спеху. Прочтите вот это. – Булнаков взял газетный лист и протянул его Георгу. – Вот здесь, я отметил.

Сообщение было коротким. На дороге на Пертюи погиб в автомобильной катастрофе Бернар М., директор бюро переводов в Марселе, ехавший на «мерседесе» серебристого цвета. Обстоятельства происшествия неясны. Свидетелей просят обратиться в полицию. Георг прочел сообщение еще и еще раз.

– Вы ведь сотрудничали с ним? – вывел его из оцепенения Булнаков.

– Да, почти два года.

– Его гибель – большая потеря для всей нашей переводческой братии. Вы, наверное, думаете, что между нами, конкурентами, могут действовать только волчьи законы, что переводчик переводчику – враг. Но рынок не так уж мал, и такие понятия, как уважение и взаимопонимание между коллегами, способность по достоинству оценить профессионализм товарищей, слава богу, пока еще существуют. Я знал Морена не долго, но всегда ценил в нем компетентного и честного коллегу. Это одно. Второе, мой молодой друг, – это те последствия, которые будет иметь его гибель для вас. Вы молоды, умеете работать, вы многого в жизни добьетесь, но я понимаю, что в Морене вы потеряли важного работодателя, без которого вам сейчас будет трудно. Конечно, у вас есть еще я, да вы и без меня не пропадете, найдете еще кого-нибудь. Но позвольте все же дать вам отеческий совет...

Булнаков ласково улыбнулся, поднял благословляющим жестом руки; лицо его покрыла сеть приветливых морщинок. Он выдержал паузу, которая с каждой секундой становилась все более драматичной, потом встал, обошел вокруг стола. Георг тоже встал, вопросительно глядя на Булнакова и внутренне забавляясь ситуацией. Так, наверное, ведут себя папаши, у которых просят руки их дочери. Булнаков положил ему обе руки на плечи:

– Вы ведь понимаете?

– Нет, честно говоря, я пока не понял, какой совет вы хотите мне дать.

– Вот видите! – Лицо Булнакова опять приняло озабоченное выражение. – Я так и думал. Именно этого я и опасался. Для сегодняшней молодежи это задача не из легких.

– Что?

– Вот именно – что? Правильный вопрос! – Булнаков вновь просиял, излучая радость и благорасположение. – Как быть? Что делать? Этот вопрос задавал себе Зевс, этот вопрос задавал себе Ленин, а ответ есть только один: возьмите свою судьбу в свои руки! Не упускайте шанса, который дает вам смерть Морена. Смерть одного – хлеб для другого. Ужасно, конечно, но что-то в этом есть, не правда ли? Колесо жизни! Поговорите с вдовой Морена, поговорите с вашими коллегами, принимайте фирму!

Ну конечно. Вдова Морена была бы рада, если бы он продолжил дело ее мужа, выплачивая ей определенную ренту. Крис, Изабель или Моник вряд ли потянули бы это дело, нет у них такой жилки. Да и у него самого две недели назад тоже ее не было. А с ним, под его началом, они бы продолжили работу в бюро.

– Спасибо, мсье Булнаков, это и в самом деле великолепная идея. И мне, пожалуй, надо как можно скорее...

– Вот именно, как можно скорее! То есть сейчас же! – Булнаков подтолкнул его к двери и дружески похлопал по плечу.

Приемная была пуста.

– Приезжайте через два дня! Будет новый заказ! – крикнул Булнаков ему вслед.

Георг прошел по переулку и, остановившись на площади, поискал глазами свой «пежо». Разве он поставил его не перед «Маленьким барабанщиком»? Наконец он увидел его поодаль, рядом со строительной площадкой. Он открыл дверцу, сел в машину, тут же опять вылез и направился в бар на углу. Взяв у стойки чашку кофе и бокал вина, он прошел к столику, остановился рядом с ним и задумался, глядя сквозь мутное стекло на улицу. Он уже устал от всего, что ему предстояло, еще не успев даже составить себе представление о своем будущем деле. Он выпил кофе и вино, заказал еще бокал. Потом пришла Надин, художница, зарабатывавшая себе на жизнь гончарными изделиями собственного производства – чайниками и кофейниками, чашками и тарелками – и выпечкой хлеба с сушеными фруктами. Тридцать шесть лет, незаконченная учеба, разведенная, десятилетний сын. Они с Георгом какое-то время спали вместе, просто так, потом перестали, просто так, и остались добрыми приятелями.

– Морен погиб. Разбился на машине. И я вот думаю, не попробовать ли мне занять его место.

– Мм... Почему бы и нет?

– Правда, это жуткая морока. Не знаю, стоит ли надевать на себя этот хомут. Но с другой стороны... – Георг заказал еще бокал вина и пересел к Надин. – А ты бы взялась?

– Бюро переводов? Ты же хотел писать. Рассказывал мне историю любви между маленьким мальчиком и его плюшевым мишкой.

– Писать-то я, конечно, хотел, но...

– А еще ты собирался перевести и напечатать какого-то американца и детективы Солиньяка, которых в Германии еще не знают. Хотя... в жизни так и бывает: вечно делаешь не то, что хотел.

Она коротко рассмеялась, горьким, но не лишенным обаяния смехом, убрала волосы с лица, стряхнула пепел с сигареты. Георг почувствовал легкий запах ее духов. Он втянул носом воздух:

– Все тот же «Опиум»?

– Мм... Знаешь, из всей нашей компании я здесь продержалась дольше всех. Одни уехали, я о них ничего не знаю; другие резко поднялись или, наоборот, опустились, работают где-нибудь, здесь или в городе, или открыли какую-нибудь лавчонку, или вообще скатились на самое дно, как, например, Жак, который подсел на наркотики и ворует понемногу и рано или поздно сядет. Я предпочитаю золотую середину. И мне всегда казалось, что ты тоже выгребешь против течения.

– Но ты же художница. Только не говори мне, что ты не хочешь выставляться, продавать картины, не хочешь славы.

– Нет, скажу. Я хочу сохранить свою свободу, даже если от нее мало толку. Ты прав, иногда я и в самом деле мечтаю о выставках и обо всем таком, но я надеюсь, что рано или поздно я расстанусь с этими мечтами.

По дороге домой Георг, слегка захмелевший, испытывал чувство гордости за свою жизнь – за то, что он не пошел ко дну и не взлетел на олимп ценой компромиссов. Да, Надин была права. Но когда, добравшись до дому, он увидел беспорядок в комнатах и немытую посуду, когда попытался позвонить Франсуазе, а телефон опять оказался отключенным, потому что он опять не оплатил счет, он сказал себе: «Нет, с меня хватит, я сыт этой жизнью по горло. Мне все это осточертело – этот бардак, и это безденежье, и то, что все идет наперекосяк. И то, что я хотел писать, но никак не соберусь сесть за работу, и что главный итог моей жизни заключается

в том, что я бросил захудалую юридическую контору в Карлсруэ, чтобы променять ее на убогое существование в Кюкюроне! Я впрягаюсь в мореновский бизнес».

Вместе с принятым решением вновь вернулась усталость. Только теперь к ней прибавился еще и страх, что этот воз окажется ему не по силам. Он лег на кровать и уснул. Ему снились кошмары: бюро переводов, невыполненные заказы, неоплаченные счета, мечущий грома и молнии Булнаков, неприступная Франсуаза с испуганными глазами, покойный Морен.

В четыре часа он проснулся, но страх не прошел. Он принял душ, надел старый серый костюм, белую рубашку и черный галстук. В половине шестого он был уже в Марселе и стоял перед дверью квартиры Морена.

8

– Ты помнишь, как мы в прошлый понедельник ехали от Горда до Кадене? Я был в те минуты самым счастливым человеком на свете. Потом это чувство резко улетучилось – я вообще довольно малодушный человек; и то, что ты отказалась переехать ко мне, еще прибавило мне неуверенности в себе. А ведь ты как в воду смотрела: я еще не был тем, кем хотел быть и кого ты могла бы любить.

Георг и Франсуаза сидели за аперитивом. В доме был наведен порядок, стол накрыт, в духовке жарилась утка, в камине горели дубовые поленья, а кровать была застлана свежим бельем.

– За нас?

Она чокнулась с ним. Красное платье на молнии во всю длину, девчоночья заколка в волосах, волнующий запах.

– А известно ли вам, сударыня, что вы чертовски соблазнительны?

Она рассмеялась и протянула ему через стол руку для поцелуя.

– Платье старое, голову я не успела вымыть, а туалетная вода – это «Жиль Сандер», по моему, запах у нее скорее горький, чем возбуждающий. Ну, расскажи наконец, где ты пропадал всю неделю. Я все ждала, что ты позвонишь или хотя бы приедешь за работой. А вместо этого шеф передает мне от тебя привет и приглашение и говорит какими-то загадками: мол, я не узнаю тебя в субботу. Так нечестно! – Она надула губки. – Хотя, конечно, я обрадовалась твоему привету, а еще больше – приглашению. Так почему я тебя не узнаю? Вот эти джинсы, например, мне знакомы с прошлой недели.

Георг встал:

– Разрешите представиться, мадемуазель. Георг Польгер, шеф, президент, директор бюро переводов «Морен» в Марселе, самого известного и престижного на огромной территории, от Авиньона до Канн и от Гренобля до Корсики. – Он поклонился.

– Что?.. Какой директор? Ничего не понимаю.

Георг принялся рассказывать. Он подробно описал мадам Морен, с ее белокурыми волосами, слишком ярким макияжем, слишком узкой юбкой и слишком нарочитой скорбью. Единственное, что в ней не было фальшивым, – это ее холодные, пронизательные глаза и мертвая коммерческая хватка. Хорошо, что он пришел, сказала она, у нее уже есть предложения, но старые сотрудники, разумеется, имеют безусловное преимущество. Она назвала абсурдно высокую цену. Георг не дрогнул, повел себя как искусный дипломат, собрал в тот же вечер Крису, Изабель и Моник и, заручившись их поддержкой и согласием на продолжение сотрудничества, переночевал в Марселе и условился о встрече с Мермозом в Тулоне во вторник утром.

– Это было самое трудное испытание. Молодой менеджер, темно-синий костюм-тройка, очки в золотой оправе, холодный, как собачий, нос. К счастью, в ближайшие месяцы ему предстоит огромный объем работ, и он рассчитывал на Морена, но еще не знал о его смерти. А еще мне повезло в том, что он немного разбирается в деталях вертолета, который они там как раз разрабатывают. Ну, я ему и забил баки техническими терминами, которые засели у меня в голове за год благодаря последним переводам. Он тут же смекнул, что для его переводов ему необходим профессионал, то есть я. Работа на тех же условиях, что и с Мореном. Он, конечно, заговорил о пробных переводах, об «образцах рукописи», но для них главное – надежность текстов и соблюдение сроков. А это я им обеспечу.

– А мадам Морен?

– Ты помнишь Максима, адвоката из Монтелимара, с которым мы познакомились в Лионе? Так вот я позвонил ему и поинтересовался условиями приобретения подобных фирм на основе договора о ренте, и, когда я пришел к мадам Морен во второй раз и выложил свои

kozyри – что я уже обо всем договорился с Мермозом, – она спустилась с небес на землю и согласилась. Она будет получать двенадцать процентов от оборота в течение пяти лет. Мы вместе с ней просмотрели корреспонденцию ее мужа и дали объявления в газете для деловых партнеров Морена – о его смерти и о передаче фирмы. Во вторник были похороны; я, конечно, рядом с безутешной вдовой; в пятницу приехал Максим и составил договор, тем временем поступили первые заказы от Мермоза, и вот сегодня утром я наконец вернулся из Марселя в Кюкюрон.

– Ты рядом с безутешной вдовой... И когда вы поженитесь?

– Ну-ну, не болтай ерунду! – Георг испытующе посмотрел на Франсуазу: что это – ревность или просто юмор? – Черт побери, утка! – Он понесся в кухню и полил соком шипящую коричневую корочку.

Франсуаза сидела за столом и задумчиво играла ножом и вилкой.

– Значит, ты теперь переедешь в Марсель? Я... я тут подумала... Ах, иди сюда, малодушный любовник!

Она усадила его к себе на колени, обняла за талию и положила голову ему на грудь. Потом посмотрела на него снизу вверх:

– Я подумала о нас с тобой...

Он опять увидел у нее над бровью ямочку.

– Ты все еще думаешь...

– Нет. Не смейся. Я серьезно. Ты спросил меня, перееду ли я к тебе, и я подумала: я так быстро не могу, мне нужно какое-то время. Но потом, когда я не видела тебя целую неделю... не чувствовала тебя, не касалась тебя, я подумала... Послушай, ты мог бы и помочь мне! Ты же знаешь, что я хочу сказать. А ты сидишь тут у меня на коленях как оловянный солдатик и молчишь как рыба...

Георг продолжал сидеть как оловянный солдатик и молчать как рыба, весело глядя на нее.

– Если ты останешься здесь и у тебя найдется стаканчик для моей зубной щетки... если ты расчистишь место для моих тряпок у себя в шкафу, выделишь мне стол и полку... Нет, моя квартира останется при мне, но я готова проводить здесь много времени – такой вариант тебя устраивает?

9

Георг никогда еще не был так счастлив, как в следующие несколько месяцев.

Франсуаза переехала к нему в конце марта. Весна вдруг взорвалась жарким многоцветьем и превратилась в лето. Сад никогда еще не был в эту пору таким пестрым, дни – такими яркими, а ночи – такими теплыми. Когда в июне началась жара и все вокруг пересохло, Георг вместо пыльной суши видел матовый блеск. Франсуаза заметно похорошела, она загорела, и кожа ее стала нежной и блестящей. Она поправилась, формы ее округлились и стали более женственными. Георгу это нравилось.

Работа и курсирование между Марселем и Кюкюроном временами становились невмоготу. Но он справлялся. Четыре дня в неделю в девять утра появляться в конторе, распределять работу между Крисом, Изабель и Моник, просматривать их переводы, переводить самому, соблюдать сроки выполнения заказов, сохранять старых заказчиков, находить новых, устанавливать программы по обработке текстов.

В конце апреля к нему приходил сотрудник политической полиции, интересовался, откуда он родом, расспрашивал о его учебе и работе в Германии, о лицах и учреждениях, могущих охарактеризовать его, о привычках и политических взглядах, дал ему подписать заявление о том, что он не возражает против того, чтобы соответствующие компетентные органы запросили информацию о нем в Федеральной службе защиты Конституции Германии. В мае от Мермоза пришло уведомление о том, что проверка его данных контрразведкой завершена и что теперь начнут поступать секретные материалы, право переводить которые имеет только он сам. После этого работы стало вдвое больше; теперь ему и по субботам и воскресеньям приходилось корпеть над чертежами и описаниями, диаграммами производственных и технологических процессов. Он справлялся и с этим.

В детстве у него никогда не было игрушечной железной дороги. Если не считать отцовского металлического заводного локомотива, большого и тяжелого, с двумя вагонами и несколькими рельсами, которых едва хватало на небольшой круг. Георг часто стоял в предрождественские дни перед витриной «Кноблауха», самого большого игрушечного магазина в Гейдельберге, и с тоской смотрел на огромную модель железной дороги, где поезда сновали во всех направлениях, не сталкиваясь друг с другом и не сходя с рельсов, на поднимающиеся и опускающиеся шлагбаумы, мигающие светофоры. Всеми этими чудесами управлял сотрудник «Кноблауха», сидевший за пультом на маленьком возвышении.

Сейчас Георгу временами казалось, что он тоже управляет огромной моделью железной дороги. В сущности, задача была почти невыполнимой – слишком мало места для такого множества поездов, слишком мало рабочих рук для такого количества заказов. Поезда должны были то и дело сталкиваться и лететь под откос. Но за счет предельной концентрации внимания он как-то умудрялся держать все это под контролем, цеплял новые вагоны-заказы, отцеплял старые, искусно маневрировал, тормозил, набирал ход, отправлял составы на запасные пути или присваивал им статус литерных. И это напряжение, это искусное балансирование над пропастью даже доставляло ему определенное удовольствие.

По вечерам, когда он возвращался с работы, Франсуаза чаще всего была дома. Заслышав шум мотора, она выходила на крыльцо, высматривала его вдаль, спешила к машине и бросалась ему на шею. Иногда она еще по дороге к дому снимала с него пиджак и галстук, которые он теперь надевал все чаще, и вела его в спальню. Георг разыгрывал целомудрие и противился ее ласкам, но очень недолго. Иногда она встречала его потоком слов, рассказывала о работе, о Булнакове, о Клоде, который время от времени заезжал к ним на своем фургоне «ситроен», забирал черствый хлеб для гусей и оставлял взамен капусту, дыни и помидоры. Иногда она ждала его с ужином, но чаще они готовили вместе. Утром Георг всегда вставал первым,

мыл посуду, оставшуюся после вчерашнего ужина, заваривал чай и приносил его Франсуазе в постель. Он любил будить ее. Еще раз забравшись под одеяло, он с наслаждением ощущал сонное тепло ее тела, вдыхал родной запах ее заспанного дыхания. Его все это возбуждало, но она не любила утреннего секса.

Дом преобразился. Франсуаза устроила себе комнату в конце верхнего коридора. Она сшила накидку для потертого кресла в каминной и занавеску для ниши в спальне, в которой вечно царил хаос из курток, брюк, рубашек и белья. Пластиковые пакеты для мусора в кухне сменило мусорное ведро, а в ванной появился шкафчик для беспорядочно валявшихся туалетных принадлежностей. Для обеденного стола Франсуаза купила в Эксе несколько скатертей.

– Где ты всему этому научилась?

– Чему «этому»?

– Ну, готовить, шить и вообще... – стоя на пороге столовой с рюмкой перно в руке, Георг обвел широким жестом пространство, – колдовать.

После ухода Ханны он часто порывался переехать куда-нибудь, а сейчас ему нравился его дом и новая жизнь в этом доме.

– Просто мы, женщины, умеем это, так уж заведено.

Она кокетливо засмеялась.

– Нет, я серьезно. Тебя всему этому научила мать?

– Ну до чего же ты любопытный и въедливый тип! Умею – и все! Какая тебе разница, кто меня научил?

Однажды в июне Георг вернулся из Марселя около полуночи. Он остановился на холме, с которого был виден дом. Садовая калитка была открыта, окна на кухне, в каминной и столовой освещены. Свет горел и на веранде. Из дома, несмотря на приличное расстояние, доносилась музыка. Франсуаза любила включить магнитолау погромче.

Георг сидел в машине и смотрел вниз. Ночь была теплой, а изнутри его грело радостное предвкушение возвращения домой. «Сейчас я приеду, откроется дверь, она выйдет, и мы обнимемся. А потом мы выпьем кампари с грейпфрутовым соком, будем ужинать, и беседовать, и ласкаться друг к другу». Он вдруг вспомнил, что Франсуаза в последнее время стала какой-то раздражительной и обидчивой, и подумал, что ему сейчас надо быть с ней особенно нежным и чутким. И это тоже была приятная мысль.

Потом, когда они уже лежали в постели, он спросил ее, не хочет ли она выйти за него замуж. Она застыла в его объятиях и не ответила.

– Эй, Кареглазка, что с тобой?

Высвободившись из объятий, она включила свет, села и посмотрела на него с отчаянием и неприязнью:

– Ну почему ты не можешь оставить все как есть? Почему ты все время давишь на меня? Зачем ты загоняешь меня в угол?

– Но что я такого... сказал или сделал? Я люблю тебя, я еще никогда так не любил, и мне с тобой так хорошо, как никогда еще...

– Ну так и оставь все как есть! Оставь, слышишь?.. Прости, милый, я знаю, что все это из лучших побуждений... Я не хочу огорчать тебя, я так хочу, чтобы тебе было хорошо!..

Она прижалась к нему, стала осыпать его поцелуями. Он сначала хотел отстраниться, прервать ее ласки, продолжить начатый разговор, но, увидев ее наглухо закрытое лицо, сдался и покорно позволил ей целовать, и тихонько покусывать его соски, и делать все то, что она обычно делала, чтобы его возбудить. Потом оргазм накрыл его горячей волной; Франсуаза крепко обнимала его, а когда, уже засыпая, он вспомнил свое предложение о женитьбе, оно показалось ему самому нереальным.

10

Реакция Франсуазы на его предложение была не единственным тревожным сигналом. Позже он распознал их все задним числом. И признался себе, что просто не хотел их замечать.

Ее внезапные уходы. В пятницу вечером Георг возвращался из Марселя домой, она встречала его в веселом настроении, в предвкушении уик-энда. Они отправлялись в «Старые времена», болтали весь вечер с Жераром и Катрин, валялись все утро в постели, потом Георгу нужно было садиться за перевод. Ночью или к утру воскресенья он выполнял свою норму, они завтракали и шли гулять среди виноградников, плантаций помидоров и дынь или по лесу на склоне Люберона. Вернувшись домой, они устраивались в постели с чаем или шампанским. Это стало их обычным жизненным ритмом в выходные дни. И почти каждый раз в четыре или пять утра Франсуаза уходила.

– Мне надо идти.

– Что?.. Как – идти?

В первый раз, когда она встала вот так и потянулась за трусиками, Георг был совершенно ошарашен. Он попытался удержать ее, уговорить остаться, но она явно не собиралась менять свое решение. Тогда он тоже попытался встать и одеться. Она, уже в юбке и блузке, присела на край кровати.

– Ну зачем тебе вставать, милый? Поспи еще. – Она укрыла его и поцеловала. – Мне просто нужно немного времени для своих личных дел. Я съезжу к себе, хоть немного приберусь в квартире, а то я ее совсем запустила; позвоню маме с папой, а завтра, когда ты приедешь из Марселя, я уже буду ждать тебя здесь.

Может быть, Георг постепенно и смирился бы с этим, если бы она, скажем, заявила: «Воскресный вечер мне нужен для моих личных дел». Но у нее все было сложнее: то ей просто нужно было «побыть одной», то на нее сваливалась какая-то срочная работа, которую она должна была выполнить или отвезти Булнакову, то какой-то важный звонок, причем звонить должны были ей домой. Изредка такое случалось и в рабочие дни. Она могла неожиданно уйти после ужина или даже посреди ночи. Георг каждый раз пытался ее удержать настойчивыми расспросами, ласковой насмешкой или угрозой обидеться. И каждый раз натывался на жесткое сопротивление. И независимо от формы этого сопротивления – нежность, злость или отчаяние – она неизменно уходила. Вначале Георг и в самом деле оставался лежать. Но за окном обычно уже брезжил рассвет, и эта почти нереальная красота раннего утра в одиночестве, без нее, с ее запахом в постели, причиняла ему боль. Поэтому он одевался, провожал ее вниз и стоял у калитки, пока ее машина не исчезала из виду.

Однажды он заехал за ней в пятницу вечером на работу, и поскольку она оказалась у него без машины, то в воскресенье ей пришлось просить его отвезти ее домой. Пользуясь ситуацией, он все тянул время – «сейчас, сейчас!», – и в конце концов они еще раз занялись сексом. Франсуаза хотела сделать все побыстрее. Но он не торопился, постепенно распалял ее своими ласками, и ей стало так хорошо, что она уже сама не могла остановиться. Наконец она взмолилась: «Иди сюда! Скорее!» Не потому, что хотела скорее освободиться, а потому, что уже не могла больше терпеть. И когда он вошел в нее, она кричала от наслаждения. Потом, по дороге к ее квартире, она прижималась к Георгу, говорила ему тысячу разных ласковых слов, но в то же время поторапливала его:

– О боже, я точно опоздаю! Черт, приспичило же мне с этим оргазмом!

В свою квартиру она брала его с собой редко. Две смежные комнаты на первом этаже, ванная, кухня, а перед большой комнатой – терраса. Квартира казалась нежилой. Ну, она же редко здесь бывает, думал Георг. Он сделал несколько фотоснимков, хотя она не любила фотографироваться: Франсуаза на террасе развешивает белье, Франсуаза перед холодильником, Франсу-

аза на тахте, под большим рисунком, на котором очень детально, в мельчайших архитектурных подробностях, изображена какая-то церковь.

– Что это за церковь?

– Это... – она помедлила, – собор в Варшаве, в котором венчались мои родители.

Он до сих пор не знал о ее родителях ничего, кроме того, что они существуют.

– А когда они уехали из Польши?

– Я не говорила, что они уехали из Варшавы.

– Но вы же все время звоните друг другу?

Стиральная машина выключилась, и Франсуаза пошла доставать из нее белье. Георг отправился следом.

– Почему ты всегда говоришь загадками, когда речь заходит о твоих родителях?

– А почему ты все время пристаешь ко мне с расспросами о моей семье? У тебя есть я – тебе что, этого мало?

В июле Георг устроил у себя праздник. Это была его давнишняя мечта – пригласить всех, кого он знает и любит: родителей, тетюшек и дядюшек, сестер, работодателей, коллег, друзей, старых немецких и новых, которых он приобрел в Провансе. Начать после обеда, играть, танцевать и закончить веселье ночью фейерверком. Его родственники приехать не смогли, из друзей приехали лишь немногие, но праздник получился веселым, последние гости ушли уже под утро. Сначала он хотел сделать Франсуазе сюрприз, но потом подумал, что должны быть и ее друзья и близкие.

Франсуаза помогала ему с приготовлениями, послала несколько приглашений и своим, но, уехав утром в день праздника в Марсель за свежими устрицами, через некоторое время позвонила и сообщила, что ей срочно нужно лететь в Париж и она не сможет присутствовать. Из ее друзей и знакомых тоже никто не приехал.

На следующий день после обеда Георг сидел со своими старыми гейдельбергскими друзьями на террасе за бутылкой шампанского. Перед этим они совершили длинную прогулку по окрестностям, а тем временем уборщицы из его бюро устранили следы вчерашнего веселья. Друзьям уже, собственно, пора было ехать, но они давно не виделись с Георгом и все никак не могли наговориться. Близость отношений, основанная на многолетнем знакомстве, была как теплая постель, из которой утром не хочется вылезать. И тут вдруг на вершине холма показалась зеленая малолитражка. Георг вскочил, распахнул ворота в сад и открыл дверцу. Франсуаза вылезла из машины, неловко поприветствовала гостей, прошла в кухню, чтобы положить какие-то продукты в холодильник, и долго не появлялась. Потом она все же присоединилась к ним, но осталась как бы в стороне. Георг поинтересовался, как она слетала в Париж, но она тут же сменила тему. Вальтер поинтересовался, когда они собираются пожениться, и она покраснела. Ян сказал, что он слышал, что она из Польши, а он как раз только из Варшавы, но она ничего не ответила. Георг добродушно пошутил о проблемах взаимопонимания между новой подругой хозяина и его старыми друзьями, но она пропустила эти слова мимо ушей. Через полчаса гейдельбергцы наконец откланялись, и не успели они еще скрыться из виду, как Франсуаза зашипела на Георга, который стоял в воротах и махал им вслед:

– Что ты им обо мне наговорил?

– Да ты что, Кареглазка? Успокойся! Что с тобой?

Но она не желала успокаиваться и устроила ему настоящую семейную сцену, отчитывая его сердито-капризным тоном своим детским голосом и сыпля штампами и клише вроде «нет, честно...», «запомни раз и навсегда...», «если ты в конце концов не поймешь...». Он не знал, как на все это реагировать, и молча стоял, то краснея, то бледнея.

Вечером она извинилась, приготовила спаржу, которую привезла с собой, и виновато прижалась к нему:

– Понимаешь, мне показалось, что вы говорили обо мне, и что у твоих друзей уже сложилось обо мне определенное представление, и что они уже не смогут объективно меня оценить. Мне так стыдно, я испортила вам весь день.

Георг понял: поездка в Париж была очень тяжелой.

В постели она сказала:

– Послушай, Жорж, давай как-нибудь на выходных съездим к твоим друзьям в Гейдельберг, я хочу познакомиться с ними как следует, они производят очень приятное впечатление.

Георг уснул счастливым.

11

Это случилось в конце июля. Георг проснулся ночью в темной комнате, перевернулся, еще в полудреме, на живот и хотел положить ногу на Франсуазу. Но ее в кровати не оказалось.

Он подождал немного, но так и не услышал ни шума спускаемой воды в туалете, ни шагов на лестнице. Сколько времени прошло с того момента, как он проснулся, – несколько минут, полчаса? Может, он опять уснул и проснулся еще раз? Где Франсуаза? Может быть, ей плохо?

Георг встал, надел ночную рубашку и вышел в коридор. Из-под двери его кабинета пробивалась полоска света. Он открыл дверь:

– Франсуаза!

До него не сразу дошел смысл происходящего. Франсуаза, сидевшая за его письменным столом, повернула к нему лицо. «Как турчанка, – подумал он, – как маленькая, обиженная, растеряннo-испуганная турчанка». Ему бросились в глаза орлиная горбинка на носу, затравленный и враждебный взгляд; рот был приоткрыт и напряжен, как будто она от испуга резко втянула воздух сквозь зубы. На столе лежали чертежи, тексты к которым он как раз переводил, справа и слева придавленные книгами, освещенные настольной лампой. Франсуаза была голой; одеяло, накинутое на плечи, соскользнуло на стул.

– Что это все значит, черт побери? Что ты здесь делаешь?

Идиотский вопрос. Что она делает, сидя перед его чертежами с фотоаппаратом в руках? Она положила фотоаппарат на стол и прикрыла груди руками. Взгляд ее все еще выражал испуг и неприязнь. Она не произносила ни слова. Только теперь он заметил ямочку над правой бровью.

Он расхохотался. Как будто эту ситуацию можно было исправить смехом, подобно тому как раньше, во время раздоров со Штеффи и Ханной, он трусливо искал убежища в удивленно-растерянном смехе. Ситуация была совершенно абсурдной – такого просто не бывает! Во всяком случае, с ним, с Георгом. Но смех ничего не исправил. Он вдруг почувствовал усталость, в голове было пусто, а от смеха уже заболели мышцы рта.

– Пошли спать.

– Я еще не закончила.

Франсуаза снова повернулась к чертежам и взялась за фотоаппарат.

– Что?..

Ситуация все еще была абсурдной, голые груди Франсуазы выглядели странно неприлично, а ее голос приобрел по-детски резкую звонкость. Георг вырвал у нее из рук фотоаппарат, швырнул его об стену, схватился за крышку стола и сбросил ее с тумб. Настольная лампа, упав на пол, погасла. Георгу захотелось изо всех сил встряхнуть Франсуазу, ударить ее. Но вместе со светом погасла и его ярость. В темноте, ничего не видя, он сделал шаг наугад, споткнулся обо что-то, опрокинул одну из тумб стола, упал на пол и больно ушиб ногу. Тут он услышал плач Франсуазы. Он потянулся к ней на ощупь, хотел обнять ее. Но она стала отбиваться и брыкаться, что-то бормоча сквозь слезы и приходя все в большее неистовство. Потом рухнула вместе со стулом на стеллаж с книгами.

Все вдруг мгновенно стихло. Георг с трудом поднялся на ноги, включил свет. Она, согнувшись, неподвижно лежала перед стеллажом.

– Франсуаза!

Георг склонился над ней, ощупал ее голову в поисках раны, но, не найдя никаких повреждений, поднял ее и отнес на кровать. Когда он, сходя за тряпкой и миской с водой, вернулся в спальню, она уже пришла в себя и смотрела на него с полуулыбкой. Он присел у кровати.

Все тот же детский голосок, только теперь жалобный и просящий:

– Прости меня, пожалуйста! Я не хотела причинить тебе боль, я не хотела этого делать, к тебе это не имеет никакого отношения, я так люблю тебя, так люблю тебя! Не сердись на меня, я не виновата, они заставили меня, они...

– Кто «они»?

– Обещай мне, что не наделаешь глупостей! Какое нам дело до этих вертолетов, до...

– Черт побери, ты объяснишь наконец, в чем дело?

– Мне страшно, Георг! – Она выпрямилась и прижалась к нему. – Обними меня! Крепче! Еще крепче!

Наконец она начала рассказывать. До Георга постепенно доходило, что вся эта история действительно имеет отношение к нему и к ней, к реальному Георгу и к реальной Франсуазе, что она стала частью его и ее жизни, как его дом и машина, его контора в Марселе, его переводы и проекты, его любовь к Франсуазе, его ежеутреннее пробуждение и ежевечернее погружение в сон. Франсуаза предполагала, что они уже выбрали его своим объектом, когда отправили Булнакова и ее в Пертюи.

– Кто «они»? Польские спецслужбы, КГБ – откуда я знаю! Они арестовали моего брата и отца тогда, сразу же после введения военного положения¹³, и с тех пор я на них и работаю. Моего отца они выпустили, но сказали, что в любой момент могут его опять посадить, если я вздумаю... А брат... – Она закрыла лицо руками и заплакала. – Они говорят, что его жизнь в моих руках, что смертный приговор уже подписан, а будет ли удовлетворено прошение о помиловании... Он был сторонником открытого сопротивления и бросил в милицейскую машину бутылку с «коктейлем Молотова», когда милиция разгоняла народ на площади перед университетом. Я думаю, эта был единственный случай во всей Польше... И в машине сгорели два человека... Он... он... я очень люблю брата, Георг! С тех пор как умерла мама, у меня не было человека ближе, чем он, пока... – она всхлипнула, – пока я не встретила тебя...

– И чтобы вытащить брата из тюрьмы, ты хотела отправить за решетку меня?

– Но все ведь шло хорошо. Ты счастлив, я тоже, какое нам дело до этих вертолетов? Скоро они получают все, что хотели, и помилуют моего брата, а нас оставят в покое... Ты спрашивал меня, хочу ли я остаться с тобой. Очень хочу! Я уже не могу без тебя, я хочу всегда быть с тобой, просто я... Ты понимаешь теперь, почему я тогда не могла просто сказать «да»? Ну пожалуйста, прости меня!

Опять детский голос и соответствующее выражение лица: испуг – потому что она совершила нехороший поступок, исполненное надежды ожидание – потому что она ведь только что попросила прощения, и обида – потому что он не торопился погладить ее по головке.

– Почему ты так уверена, что они оставят тебя в покое, когда получают все, что им нужно?

– Они мне обещали. И что отца отпустят, тоже обещали и сдержали слово.

– Потому что ты вряд ли стала бы на них работать, если бы они его не сдержали. А сейчас они помилуют твоего брата и заменят ему смертную казнь на пожизненное заключение, и ты будешь работать на них дальше, чтобы они дали ему пятнадцать лет, а они будут торговаться с тобой за каждый год. И что ты сможешь сделать?

Она не отвечала, по-прежнему глядя на него с обидой. Он на секунду задумался, что-то подсчитывая про себя:

– Конечно, они должны будут тебе что-нибудь предложить, чтобы у тебя был стимул работать на них. Скажем, три года тюрьмы для него – за один год твоей работы. Так что как минимум еще пять лет ты будешь у них на крючке. А ты – отличный кадр, бегло говоришь по-французски, знаешь страну и людей, к тому же ты у них под контролем. Сколько лет ты прожила во Франции до того, как они тебя завербовали?

---

¹³ Военное положение было введено в Польше в декабре 1981 г. в ответ на волнения, организованные правой профсоюзной организацией «Солидарность», и продлилось до июля 1983 г.

– Ты говоришь как на допросе! Я не хочу разговаривать с тобой в таком тоне.

Он сидел выпрямившись, сложив руки на животе и глядя на нее деловым, сосредоточенным взглядом.

– А вместе с тобой они сажают на короткий поводок и меня... Когда кончится эта история с вертолетом, начнется другая, какой-нибудь невидимый для радаров самолет-разведчик, или система наведения, или новый бомбовый отсек – да мало ли... К тому же... проработав какое-то время на них, я и без тебя автоматически попадаю в их лапы... Ты этого хочешь? Ты хочешь такой жизни?..

– Мы не так уж плохо живем. Мы вместе, у нас есть прекрасный дом, деньги... А то, что ты теперь все знаешь, совсем необязательно знать другим. Почему мы не можем плюнуть на все и жить как жили? Разве ты не был счастлив все это время?

Он не отвечал. Он смотрел в окно, где чернела ночь, и у него от усталости было темно в глазах. Она была права и в то же время не права. Какое ему дело до боевых вертолетов, самолетов-разведчиков, истребителей, бомбардировщиков, до всех этих игр, вооружений, перевооружений, разоружений? Пока у него нет денег и времени на писательство, плевать, что и для кого переводить и на кого работать – на IBM, на Мермоза... Почему бы и не на поляков или русских? Объем работы тот же. Он горько рассмеялся. Но свободу свою он потерял навсегда. Он вдруг ощутил это с болезненной отчетливостью. Он уже не сидел у пульта, управляя поездами, а сам оказался поездом, который кто-то другой приводит в движение, разгоняет, тормозит, останавливает и вновь отправляет в путь.

– Георг!

Он печально пожал плечами. Может, его прежняя свобода тоже была просто иллюзией? Он вдруг вспомнил ее внезапные уходы по воскресеньям:

– А почему тебе нужно было отдавать пленки с чертежами именно по воскресеньям?

– Что?

Он не стал повторять вопрос. Что-то тут было не так. Что-то не стыковалось. Этот еще не оформившийся в слова вопрос вертелся в его мозгу – не столько вопрос, сколько неспособность поверить в то, что все это действительно произошло именно с ним и что его жизнь завтра пойдет уже по совершенно другому сценарию.

Она вздохнула и положила голову ему на колени. Левой рукой она стала гладить ему спину, правая скользнула под его ночную рубашку, в промежность, нежно коснулась члена. Он с удивлением, словно откуда-то издалека, наблюдал за своим собственным растущим возбуждением.

– Ты... ты была любовницей Булнакова?

Она отстранилась от него и выпрямилась:

– Какой ты все-таки подлый, злой и мелочный! С тех пор как мы познакомились, я не была ни с одним другим мужчиной, а что было до того – об этом мы не обязаны друг перед другом отчитываться! Если Булнакову нужно было переспать со мной, то, как ты понимаешь, выбор у меня был небогатый...

– Значит, тогда у тебя выбора не было, а сейчас вдруг появился?

– У меня его нет и сейчас, если уж тебе так нужна правда! – крикнула она ему в лицо. – Но мы никогда не были вместе как муж и жена, я просто ложусь под него, а потом он встает, застегивает штаны, заправляет в них рубашку... Показать тебе, как это делается? Давай ложись! Ты будешь я, а я буду он! Давай!

Она вцепилась в него, попыталась затащить на кровать, потом принялась колотить ему в грудь кулаками. Наконец заплакала, издавая отдельные короткие гортанные крики, и застыла в позе эмбриона.

Георг неподвижно сидел рядом, положив руку ей на плечо. Через какое-то время он лег на кровать и прижался к ней. Они молча занялись сексом. За окном редела предутренняя мгла, щебетали первые птицы.

12

Когда совсем рассвело, она встала. Он остался лежать в постели и слышал шум спускаемой воды в туалете, звяканье посуды в кухне, плеск воды в душе. Потом Франсуаза с грохотом распахнула ставни в каминной комнате. Он ждал, что сейчас раздастся шум мотора. Но она, судя по всему, устроилась с чашкой кофе в кресле-качалке. Наконец послышался скрип ворот, через минуту неровно затарахтела ее малолитражка, и под колесами заскрипел гравий. Он лежал, окутанный запахом их тел и их любви, измученный, оглушенный ночными страстями, и слушал удаляющийся шум мотора.

Через несколько часов он опять проснулся. В комнату светило солнце. У него не было сил встать, не было желания повернуться и лечь удобнее. Наконец он все же поднялся – непонятно, зачем и почему именно сейчас, а не раньше и не позже. Он принял душ, сварил и выпил кофе, накормил кошек – все с какой-то странной легкостью. Потом открыл ящик стола, пошарил в нем и нашел деньги, надел куртку, взял ключи, запер дом, сел в машину и поехал. Его движения были точны и лаконичны. Он отчетливо ощущал маршрут, видел дорогу, каждую выбоину, движущиеся навстречу и выезжающие с второстепенных дорог машины, ехал быстро, осторожно и совершенно безучастно. У него было такое ощущение, как будто он не едет, а только представляет себя за рулем и если он врежется в дерево или ползущий перед ним трактор, то не получит никаких повреждений ни он, ни даже машина.

Он припарковался под платанами у пруда и пошел в аптеку. У него и сейчас было то же ощущение – как будто он не идет, а лишь видит себя идущим. Тело казалось невесомым, словно двигалась лишь его оболочка, внутри которой пустота, но оболочка при этом была прозрачной и пропускала свет и воздух.

В аптеке ему пришлось несколько минут подождать, пока до него дойдет очередь. Он поздоровался, не надевая свою обычную, дружелюбную и приветственную маску, и, пока он стоял в очереди, лицо его не выражало ни ожидания, ни нетерпения, ни интереса к разговорам мадам Револь с другими посетителями. Его лицо казалось ему самому чистым листом.

– Довестан, пожалуйста.

– Я бы посоветовала мсье лучше просто выпить перед сном кружку пива или бокал красного вина. Довестан – опасное средство. Я читала, что в Германии и в Италии его вообще не отпускают без рецепта.

Он решил никак не реагировать на ее слова. Но мадам Револь смотрела на него с материнской заботой и, похоже, не собиралась идти к шкафчику с медикаментами. Он навесил на лицо веселую улыбку.

– Именно потому я и живу во Франции, мадам, – рассмеялся он. – А если серьезно, в полнолуние я просто не в состоянии уснуть, и если бы я каждый раз пил красное вино – страшно даже подумать, что было бы с моей печенью!

Получив таблетки, он в тот же миг понял, что не будет их пить. «Самоубийство?.. Нет, со мной этот номер не пройдет! Они еще удивятся, эти русские, поляки, Булнаковы, Франсуазы!» Разве козыри не у него на руках? Разве не от него самого зависит, давать или не давать информацию, идти или не идти в полицию, прижать Булнакова и заставить его платить или нет?

Он выпил в баре «У пруда» бокал белого вина, потом еще один. Дома он заглянул в свой кабинет. Стол стоял как ни в чем не бывало, чертежи лежали на месте, фотоаппарат исчез. Значит, Франсуаза утром досняла остальное.

Он позвонил в свою контору в Марселе. Секретарша ждала его, но управилась и сама: перенесла одну встречу и ответила на все звонки. Он набрал номер Булнакова.

– Алло!

– Польгер. Нам надо поговорить. Я заеду к вам в четыре часа.

– Заезжайте, мой молодой друг, заезжайте. А позвольте спросить: почему так сухо и коротко – и так загадочно?

Значит, Франсуаза ему еще ничего не рассказала. Не успела или не захотела?

– Поговорим об этом позже. До встречи, мсье.

Георг положил трубку. Главное – не упустить инициативу, использовать фактор неожиданности, смутить противника. Пусть Булнаков пока пропотее.

Когда Георг в четыре часа явился к Булнакову, у того и в самом деле темнели под мышками большие круги. Все двери были нараспашку, рабочее место Франсуазы пустовало. Булнаков восседал за письменным столом, расстегнув верхние пуговицы рубашки и брюк. Пиджак висел на спинке стула. «А потом он встает, застегивает штаны, заправляет в них рубашку...» – мелькнуло у Георга в голове.

– Проходите, мой молодой друг, присаживайтесь. Я ловлю каждое дуновение ветерка, но никакого ветерка нет, и жара не отступает ни на шаг.

Он тяжело поднялся, застегнул брюки, заправил в них рубашку. Георг почувствовал острый прилив ревности, обиды и злости. Он не подал Булнакову руки.

– Ваша игра окончена, мсье.

Георг сел на журнальный столик перед угловым диваном. Он возвышался над Булнаковым, который снова опустился в кресло.

– Я не играю ни в какие игры.

– Ну, как бы это ни называлось, я в этом больше не участвую. Решайте сами, идти мне в полицию или не идти. Если вы скажете «не идти», то брат Франциски должен получить помилование и разрешение на выезд из страны. Для этого у вас будет три дня.

Булнаков приветливо смотрел на Георга. В глазах у него плясали искорки смеха, рот медленно растянулся в улыбке, толстые щеки блестели. Он задумчиво тербил нос большим и указательным пальцами правой руки.

– Неужели это тот самый мальчик, который стоял здесь передо мной несколько месяцев назад? Нет, это не он. Вы стали мужчиной, мой молодой друг, и вы мне нравитесь. Судя по всему, то, что вы называли «моей игрой», пошло вам на пользу. И вот вы решили выйти из этой игры. – Он покачал головой и, надув щеки, с шумом выдохнул. – Нет, мой молодой друг, наш поезд давно в пути и едет очень быстро, и высадка пассажиров пока не предусмотрена. Можно, конечно, прыгнуть на ходу, но вы сломаете себе шею. Однако поезд, который быстро едет, быстро приходит в пункт назначения. Потерпите немного.

– А зачем мне, собственно, терпеть?

– А что вы скажете в полиции?

Разговор пошел не так, как он его себе представлял. У него появилось чувство, что он упустил инициативу.

– Это уж моя забота. Вы, может быть, думаете, что у меня нет доказательств. А может быть, они у меня есть? Может быть, достаточно одной лишь этой истории со мной и нескольких косвенных улик? Если полиция будет знать, где и что ей нужно искать, она уж как-нибудь докопается до истины. Я имел возможность оценить качество работы польских спецслужб, у вас будет возможность посмотреть, как работают французские.

– Да, красноречия вам не занимать. Ну что ж, может быть, мы даже сами поможем полиции обнаружить парочку пленок с вашими отпечатками пальцев на коробочках. А заодно аккуратно наведем ее на владельца желтого «пежо», который подрезал «мерседес» Морена, и на автомастерскую в Гренобле, в которой были устранены повреждения этого «пежо». – Булнаков говорил все еще дружелюбным, слегка озабоченным тоном. – Не портите жизнь себе и Франсуазе. Еще пара недель, и все будет закончено. И мы расстанемся добрыми друзьями или добрыми врагами, во всяком случае мирно. С братом ее все как-нибудь утрясется, хотя, между

нами, это тот еще фрукт! А если вы с Франсуазой захотите пожениться – почему бы и нет? Возраст у вас вполне подходящий.

Георг сидел как оглушенный. В коридоре слышались шаги. Он обернулся: на пороге стояла Франсуаза.

– Франсуаза, это правда, что на коробочках от пленки есть мои отпечатки пальцев?

Она перевела взгляд с Георга на Булнакова и обратно:

– Мне пришлось так сделать. Ты много фотографируешь, вот я и взяла твои коробочки. – Она закусила губу.

– Мы же были в Лионе, когда... когда убили Морена. Меня наверняка вспомнят многие участники конференции и портье в отеле.

– Скажи ему, Франсуаза.

– В ту ночь, когда Морен... в ту ночь мы уже не были в Лионе, – произнесла она, не поднимая головы. – И в отеле мы тоже не были. Мы ночевали под открытым небом неподалеку от Руссильона.

– Но тогда ты можешь подтвердить, что...

Георг не договорил. Он вдруг все понял. Булнаков наморщил лоб. Он смотрел на Георга не столько смущенно, сколько сочувственно. Лицо Франсуазы было замкнутым и враждебным.

– Кареглазка, я не верю, что ты... Ты не можешь этого сделать, ты не можешь так поступить со мной... – Он говорил это скорее себе самому, чем ей. Потом вдруг вскочил, схватил ее за плечи и принялся трясти. – Скажи, что это неправда! Скажи! Скажи! – Словно надеясь, что от этих криков и от этой тряски лопнет и разлетится на куски невидимый панцирь, скрывающий Франсуазу, которую он любил, которой он открылся и которая открылась ему, – настоящую Франсуазу.

– Зачем тебе понадобилось все разрушать? Почему ты не захотел оставить все как есть?

Она не пыталась сопротивляться, она жаловалась тонким, пронзительным детским голосом, оставаясь недоступной для него. Только когда он отпустил ее, она тоже закричала:

– И не надо мне давить на совесть, Георг! Ты этим ничего не добьешься! Я тебе ничего не обещала, я тебя не обманывала, я была я, а ты был ты! Это твое дело – что ты тогда не послушал меня, не поверил мне! И то, что ты сам себе внушил надежду, а теперь видишь, что ничего из этого не вышло, не дает тебе права... А! Я поняла: ты все сломал, чтобы отомстить мне! Ты не смог заполучить меня и от злости решил пойти в полицию и поломать мне жизнь! Только не думай, что ты таким способом заставишь меня встать на твою сторону и давать показания в твою пользу! Если ты пойдешь в полицию – можешь про меня забыть!

Она вся дрожала.

– Чему я должен был поверить?

У Георга застыла на лице гримаса его неуклюжего смеха, но произнес он это, изо всех сил стараясь говорить примирительным тоном.

– Иди, иди в полицию! Ломай все, что между нами было! Какой же ты слабак и трус! Вместо того чтобы честно довести начатое дело до конца, вместо того чтобы стиснуть зубы и потерпеть, ты все испортил. Ну, дело твое, иди, если хочешь. Только не думай, что...

Шипящий голос, рубленые слова, фразы, словно взятые из пародии на тему «Здравый смысл и железная логика». Георг услышал в этом голосе злость, и ситуация мгновенно вышла из-под его контроля – подобно тому как, уронив дорогие часы в глубокий водоем, еще видя, как они падают и медленно погружаются на глубину, человек в ту же секунду осознает невозвратимость потери. Их еще, вполне вероятно, можно было бы схватить, резко наклонившись или прыгнув в воду, но мешает какой-то паралич, быстро переходящий в застывшую боль утраты.

Георг пожал плечами и с чувством пустоты пошел мимо Франсуазы к двери.

– Стойте, мой молодой друг, стойте! – крикнул ему вслед Булнаков, но он не обернулся.

13

Он прошел мимо памятника маленькому барабанщику в бар на углу. «Le Tambour d'Arcole»¹⁴, – в первый раз прочел он надпись на постаменте и попытался вспомнить, какую героическую роль сыграл барабанщик в битве при Арколе, но так и не вспомнил. Скорчив при мысли о героизме гримасу, он заказал кофе и вино. Сегодня окно было чистым, и площадь лежала перед ним как на ладони в сиянии ярко-голубого предвечернего неба.

Может быть, все не так страшно? Допустим, попытка пригрозить полицией и спасти брата Франциски провалилась. Ну и черт с ней, со всей этой семьей Крамски. Его переводы попали к польским или русским спецслужбам. Но эти игры с солдатами, пушками и танками, самолетами и вертолетами были и будут, с ним или без него. Георг представил себе генералов, стоящих перед ящиком с песком; один, с игрушечным вертолетом в руке, делал «рррр», другой, с самолетом, – «жжжж». Неужели они и в самом деле угробили Морена только для того, чтобы расчистить ему, Георгу, путь к чертежам Мермоза? Все сходилось: они с Франсуазой поехали на ее «ситроене» в Лион, свой «пежо» он оставил в Кадене и, вернувшись обратно, нашел его не там, где он, как ему казалось, был припаркован, а совсем в другом месте. Он похолодел от страха. Нет, стоп, стоп! Спокойно, без паники. Не будут же они рисковать всей операцией, наводя на него полицию?

А Франсуаза? Георг чувствовал, что между ними все кончено, но он по-прежнему любил ее, и она не стала ему менее близка, чем была вчера. Лишь усилием воли ему удалось уяснить себе, что его мир еще несколько часов назад был целым и невредимым.

У него было такое чувство, как будто он сидит на больничной койке и в первый раз смотрит на свою ампутированную ногу, вернее, на пустоту под простыней. Глаз видит эту пустоту, мозг регистрирует факт, но все внутри готово к тому, чтобы через какое-то время встать на обе ноги и уйти из больницы, и чешется несуществующий палец.

Георг смотрел в окно. Из переулка на площадь вышла Франсуаза. Она направилась к своей машине, застыла на полпути, сделала еще несколько шагов, опять остановилась. Она увидела его «пежо». Медленно повернувшись к бару, в котором он сидел, она подняла голову и, щурясь от солнца, искала его глазами. Наконец она его заметила. При виде ее упругой походки, ее коротковатых ног он услышал ее быстрые шаги, хотя никак не мог их слышать. Она была в черном комбинезоне, на плечи накинут пестрый пуловер с завязанными на груди рукавами.

Сколько раз, увидев ее издали и наблюдая, как она шагает, сначала серьезная, сосредоточенная на своих мыслях, потом останавливается перед витриной или уличным музыкантом, медленно идет дальше и наконец, заметив его, ускоряет шаги, машет ему рукой и улыбается, радуясь встрече, он чувствовал, как его сердце, восторженно, начинает отбивать какой-то бешеный ритм!.. «Почему ты предала меня? – подумал он. – Почему?..»

– Мне надо ехать по делам. До вечера? – крикнула она ему, на секунду остановившись на пороге, и исчезла.

Ее слова прозвучали привычно и буднично. Георг посмотрел ей вслед и допил вино. По дороге домой он купил продуктов, как обычно, на двоих. Когда она приехала, на плите тушились мясные рулетики, в камине горел огонь, из динамиков звучала музыка. Делая покупки, наводя в доме порядок, готовя ужин, он с удивлением смотрел на себя со стороны. «Это все какое-то наваждение, это все происходит не со мной, это не я», – думал он. Но все получалось само собой, любое дело спорилось.

¹⁴ «Аркольский барабанщик» (фр.).

Ни он, ни она ни разу не заговорили ни о ночном происшествии, ни о разговоре у Булнакова. Они вели себя друг с другом осторожно, нерешительно, и Георг с удивлением почувствовал в этом что-то похожее на остроту ощущений при первом знакомстве. Позже, в постели, после секса, Георг включил ночную лампу, выпрямился, посмотрел на нее и спросил:

– И что теперь с нами будет?

Ее взгляд был спокоен, если не считать ямочки над правой бровью, и Георг не мог понять, что она означала – мыслительную активность или беспомощность и растерянность. Потом она взяла вязаного шерстяного медвежонка, сидевшего рядом с кроватью Георга на радиобудильнике, посадила его себе на грудь и помахала в воздухе его лапами так, как это делают медведи в цирке, прося подачку.

– Я хочу, чтобы ты был счастлив, – ответила она. – По-настоящему счастлив.

Ничего из того, что он хотел ей сказать, не дошло бы до ее сознания. Он мог только прогнать ее, но на это у него не было сил.

На следующее утро он поехал в Марсель, отдал посыльному Мермоза переведенные материалы и получил новые. Он задумался: можно ли их переводить дома или лучше делать это в конторе? В конце концов он сделал ксерокопии чертежей, хотя в инструкции по безопасности это было категорически запрещено, запер оригиналы в сейф, а копии взял с собой. В десять часов вечера, услышав шум мотора, он сложил ксерокопии вчетверо, дождался, когда Франсуаза войдет в дом, залез на перила балкона перед кабинетом и сунул их в водосточный желоб, а когда она подошла к его столу, он как ни в чем не бывало писал письмо. То же самое он проделал и на следующий день, и через день. Потом, за завтраком, занятая исключительно кофе, круассанами и яйцом, она спросила словно невзначай:

– А от Мермоза пока больше ничего?

– Да, пока ничего.

Несколько секунд она помешивала свой кофе, в котором не было ни сахара, ни молока.

– Георг, не делай глупостей, – произнесла она мягко.

В Марселе Георг перенес перевод с копий в оригиналы и, сдав работу, остался очень доволен. Потом он долго сидел над копиями и новыми чертежами, в первый раз пытаясь понять, с чем он имеет дело. Речь шла о каких-то подвесах, это он понял еще в процессе работы. Но что и к чему должно было подвешиваться? Он опять запер оригиналы в сейф, а копии взял с собой в папке.

По дороге домой он громко распевал, чувствуя себя победителем. Он прорвал сеть, которой его опутал Булнаков, и мир снова преобразился. Он ехал быстро, ведя машину с задумчивой уверенностью. В Ансуи навстречу ему попался Жерар, они остановились на дороге и немного поболтали через открытые окна.

– Я еду в Перми за свежим лососем. Может, заглянете сегодня вечером?

14

Георг свернул на проселочную дорогу и поискал глазами овец, которые утром паслись на крутых склонах справа и слева. Они продвинулись далеко вперед.

Включив вторую передачу, он дал газу. Он давно уже отвык думать об амортизаторах и о выхлопе. Солнце, мистраль, едкий дым «Голуаз», боль в висках после четвертого пастиса, тряска на размытых дорогах с засыпанными щебнем выбоинами – все это были привычные, почти родные ощущения.

Пыль за поворотом он заметил раньше, чем увидел или услышал машину. Он удивился: как пыль могла опередить машину? Тяжелый черный лимузин «ситроен» летел на бешеной скорости. За ним клубилось огромное облако пыли. На повороте его занесло, а выровнявшись, он помчался прямо на Георга. Георг прижался к обочине, но «ситроен» правее не взял. Георг нажал на клаксон и, не услышав сигнала, закричал и замахал рукой. Лимузин не реагировал. У него были тонированные зеркальные стекла. Водителя Георг не видел. Он нажал на тормоз, съехал на обочину и уже почувствовал, как правые колеса запрыгали по ее внешней кромке.

Мотор заглох. Дворники судорожно скребли сухое стекло. Георг случайно включил их, ударив по клаксону, и теперь отчаянно пытался выключить, как будто от этого зависел финал сцены. Потом он уже не действовал, а лишь пассивно воспринимал развитие ситуации: стремительно приближающаяся машина, отражение неба и облаков в ее ветровом стекле, елозящие по стеклу дворники, ржавые останки велосипедного колеса в кювете...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.